

18+

Диана Пыжикова

Разрыв цепей (Рим)

Диана Пыжикова
Разрыв цепей (Рим)

«Издательские решения»

Пыжикова Д.

Разрыв цепей (Рим) / Д. Пыжикова — «Издательские решения»,

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Рим,
1892 год. Город скован «Великим Согласием» — медной сетью, выжигающей
звуки ради мертвого порядка. Певица Лина и виртуоз Марко превращают
музыку в акустическое оружие. В подвалах Трастевере зреет бунт «грязных»
нот: один хриплый выдох тромбона способен обрушить тиранию гармонии.
Финальная, девятая книга саги Тайный оркестр: Священный изъян.

© Пыжикова Д.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. «Римские каникулы» с привкусом меди	6
Глава 2. Дыхание каменного монстра	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Разрыв цепей (Рим)

Диана Пыжикова

© Диана Пыжикова, 2026

ISBN 978-5-0069-7992-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. «Римские каникулы» с привкусом меди Вокзал Термини: Акустический хаос

Рим 1892 года — античный исполин, распятый на медном каркасе. Город-палимпсест, где поверх выцветшей охры и священного травертина Моретти наносит свою безупречную, бездушную каллиграфию из стали и пара. Над рыжими черепичными крышами и барочными куполами, веками тянувшимися к Богу, застыл лес антенн-резонаторов. Тонкие стальные иглы пронзают небо, соединенные бесконечными гирляндами черных кабелей. В лучах закатного солнца эта сеть алеет, и кажется, будто город опутан венами, по которым пульсирует вибрирующее электричество. Дирижабли Моретти скользят между колокольнями, словно сытые левиафаны, отбрасывая на мостовые тени, похожие на траурные ленты.

Цветовая палитра города выцвела до терракоты и остывшей золы. Травертин Колизея и Форума кажется пористым, живым, но теперь он изрезан штробами с вживленными латунными жилами. Статуи ангелов Бернини превращены в акустические опоры; кажется, мраморные святые зажимают уши, пытаясь скрыться от вездесущего гула. Повсюду — на фасадах церквей и дверях остерий — дрожат манометры в мертвом ритме «Великого Согласия». Воздух пахнет двойственно: снизу, из лабиринтов Трастевере, тянет жареными каштанами и чесноком, но с крыш спускается тяжелый, сухой дух озона и раскаленного масла. Это запах резонаторов, выжигающих из эфира любой случайный шум. На языке горожан осел металлический привкус, словно они жуют медную монету.

Самое пугающее в этом Риме — его принудительная грация. Вода в фонтанах больше не плещется хаотично: она падает с математическим расчетом, превращаясь в настроенные стеклянные гармоники. Колеса повозок, подбитые толстой резиной, беззвучно катятся по мостовой. Над площадями висит не тишина, а низкочастотный зуд — гул «Органа Контроля», от которого у прохожих мелко дрожат зрачки и ноют корни зубов. Лишь Тибр остается непокорным: желтая, мутная река рычит под мостом Святого Ангела, разбиваясь о быки с хаотичным, «неправильным» плеском.

Рим встретил их не триумфальной аркой, а ударом раскаленного воздуха и гарью. Вокзал Термини в 1892 году — строящийся монстр из камня и пара. Марко прижал футляр со скрипкой к груди, как раненого ребенка. По перрону, в гомоне носильщиков и криках продавцов лимонада, скользили «тени» — люди в безупречных сюртуках Моретти. В руках у них были не револьверы, а камертоны-детекторы, настроенные на резонанс драгоценного дерева.

— Бросай, — прошипел Марко, заметив, как агент замер и поднес прибор к уху. — Если дерево «заговорит», нам конец.

Лина видела, с какой болью он сунул скрипку Карзина в ячейку камеры хранения, завалив её старым тряпьем. В этот момент они перестали быть музыкантами — они стали беженцами.

Подвал синьоры встретил их запахом щелока и мокрого льна. Воздух здесь был таким густым, что резонанс «Тайного оркестра» глож, едва зародившись. Сама хозяйка, необъятная и шумная, как извержение Везувия, беспрестанно жестикулировала, проклиная правительство и налоги.

— Мой дядя, святой человек, — гремела она, вытирая руки о передник, — был кавалеристом! Когда он трубил атаку, у лошадей лопалось терпение, а у врагов — барабанные перепонки!

Она вытащила его из-под горы дырявых простыней. Тромбон выглядел не музыкальным инструментом, а деталью осадного орудия. Потемневшая медь покрылась патиной, вмятины напоминали следы пуль. Лина осторожно коснулась мундштука: холодный металл пах кровью

и старой чисткой. Это не была податливая скрипка, отзывающаяся на легкое касание смычка. Тромбон требовал легких, силы и бесстрашия.

— Это... — Лина замялась, пробуя вес инструмента, — это не музыка, Марко. Это молот.

— Именно, — Марко вытер пот, его глаза лихорадочно блестели. — Скрипки шепчут тайны, а эта штука проламывает черепа. Моретти ищет гармонию, Лина? Так дай ему канонаду.

Она взялась за кулису. Та выдвинулась со скрежетом, напоминая лязг затвора. Лина набрала в грудь побольше воздуха — не того, озерного, как во Флоренции, а этого, римского, пропитанного пылью веков и кухонным чадом. Она прижала губы к мундштуку и выдохнула.

Звук не потек — он вырвался, как разъяренный бык. Низкая, вибрирующая нота пустила по воде в тазах мелкую рябь, тяжелые простыни испуганно качнулись. Это был голос Рима: грубый, плотский и свободный от изящных оков прошлого.

Лавка в гетто напоминала чрево кита, проглотившего антикварный магазин и склад ветоши. Здесь пахло нафталином, жженым кофе и кислым вином. Старый Исаак, чье лицо походило на печеное яблоко, наблюдал за ними, прищурился. Он видел тысячи беглецов, но эти были особенными: в их взглядах еще дрожал ритм консерваторий, который следовало немедленно утопить в римском хаосе.

— Скрипачи, — проскрежетал Исаак, выуживая из кучи тряпья жилет для Карзина. — Слишком прямые спины. С такой осанкой вы доживете до первого патруля. Гнитесь, господа. Рим любит тех, кто умеет кланяться мостовой.

Карзин с брезгливостью, быстро сменившейся азартом отчаяния, натянул жилет. Тот был забрызган чем-то подозрительным, а пуговицы держались на честном слове и молитвах. Когда он надел соломенную шляпу, облик «принца скрипки» рассыпался. Теперь перед ними стоял пропойца-интеллектуал, проигравший в карты последнее имение и совесть.

Юлиан в новых ботинках-ластах сделал пару шагов, сопровождая каждый звучным «шлеп-хлоп».

— Это не обувь, это перкуссия, — пробормотал он, поправляя полосатый шарф, пахнущий чужой жизнью и дорожной пылью. — Моретти не узнает меня, даже если я наступлю ему на ногу.

Лине досталась широкая юбка из грубой шерсти и мужской пиджак, в карманах которого нашлась старая монета с выщербленным краем. Она спрятала тонкие пальцы пианистки в длинных рукавах.

— А теперь — самое главное. — Марко выудил из угла ту самую «иерихонскую трубу». — Инструмент не должен выглядеть как реликвия.

Он безжалостно обмотал сверкающую кулису тромбона грязной мешковиной, закрепив её бечевкой. Теперь раструб, замотанный в тряпье, торчал из-под руки Лины, как дуло кустарной пушки.

Когда они вышли на свет, Рим ударил по ним всей мощью полуденного зноя. Воздух дрожал над камнями Тибра. Гетто выплескивало их в лабиринт узких улочек, где белье на веревках висело, словно флаги капитуляции старой эстетики.

— Смотрите, — шепнул Ник, указывая на крышу ближайшего палаццо.

Там, среди статуй святых, возвышалась тонкая, едва заметная антенна «Резонатора». Она была похожа на иглу, вонзенную в плоть города. Вокруг неё воздух казался неестественно чистым, вылизанным, мертвым.

— Он сканирует частоты, — Лина крепче прижала к себе тяжелый тромбон. Холод меди сквозь ткань жег ребра. — Слышите? Он ловит гармонию.

Они замерли. Из глубины улицы донесся звонкий смех прачки и грохот телеги, груженной пустыми бочками. Этот хаотичный, ломанный звук разбивался о «иглу» Резонатора, не давая ей зацепиться за ритм.

— Наш выход, — Марко поправил сползающую шляпу. — Теперь мы — шум. Помеха в их идеальном мире. Лина, если увидишь патруль — дуй так, чтобы у них зубы зачесались. Никаких до-мажоров. Только первобытный рев.

Они двинулись к фонтану Треви. Юлиан начал насвистывать что-то несусветно фальшивое, перебивая звон церковных колоколов.

Когда Лина выдала первую ноту, показалось, будто земля под фонтанами треснула. Звук тромбона не летел — он вывалился из раструба тяжелым комом низкочастотной ярости. Это был первобытный гул, заставивший воду в фонтане на мгновение замереть, а затем рассыпаться хаотичной изморозью.

— Еще! — проорал Марко.

Карзин, морщась, пилил свою дешевую скрипку, извлекая из неё визг циркулярной пилы.

Лина сделала глубокий вдох. Она чувствовала, как диафрагма сопротивляется весу меди, как мундштук врезается в губы. Она рванула кулису на полную длину — на шестую позицию — и выдохнула всё свое отчаяние. Тромбон отозвался педальным си-бемолом — такой глубины и грязи, что у стоявшего рядом торговца треснул стакан с гранитой.

В толпе засуетились. Двое мужчин в слишком строгих для такой жары котелках — агенты Моретти — синхронно схватились за карманы жилеток. Их лица, до этого бесстрастные, исказились от боли. Из-под их пальцев пробился тонкий, ультразвуковой писк: «Резонаторы» пытались поймать привычную гармонию, но вместо неё заглатывали тонны акустического мусора.

Лина видела, как один из агентов выронил камертон-детектор — прибор жалобно звякнул о мостовую и тут же затих, подавленный ревом тромбона.

— Работает! — крикнул Юлиан, бешено застучав ботинками-ластами по камням, создавая рваный, непредсказуемый ритм. — Мы ломаем их сеть!

В кармане Лины похолодало. Струна, раньше вибрировавшая в унисон с пульсом и пытавшаяся подчинить её ритму Моретти, теперь лежала мертвым грузом: она не могла зацепиться за этот медный хаос.

Лина чувствовала себя не певицей, а артиллеристом. Тромбон превратился в таран. С каждым хриплым выдохом она видела, как невидимые нити контроля, окутавшие Рим, лопаются, не выдержав вульгарной и честной энергии этой нестройной музыки.

— Ну что, Моретти? — прошептала она в мундштук перед следующим залпом. — Слышишь? Мы — шум, который ты не отфильтруешь.

На Пьяцца Навона появился «Чистильщик» — он выглядел как хирургический скальпель в куче навоза. Его движения были пугающе экономными: он не шел, а вышагивал, словно заведенный метроном. Толпа инстинктивно расступалась перед ним, чувствуя холод мертвой симметрии.

Агент Моретти не смотрел на лица. Его взгляд был прикован к инструментам — не как у ценителя, а как у настройщика, ищущего фальшивую деталь. Он медленно поднял руку в безупречной лайковой перчатке и коснулся мочки уха, где поблескивал миниатюрный приемник «Резонаторов».

— Он пытается нас отфильтровать, — прошипел Марко, чувствуя, как пальцы на грифе сводит судорогой. — Лина, он ищет основной тон! Если вычислит твою частоту сквозь этот грохот, «занулит» нас одним импульсом.

Лина почувствовала, как невидимая волна холода коснулась лба. Это походило на тошноту, когда в идеальной тишине начинает гудеть высоковольтный провод. Чистильщик замер в десяти шагах, его губы тронула бледная, механическая улыбка. Он достал из кармана серебряный цилиндр — «глушитель гармоник».

Она не просто дунула — рванула кулису на себя, а затем резко выбросила её вперед, на дальнюю позицию, почти коснувшись раструбом сапог Юлиана. Из тромбона вырвался

«педальный тон» — звук настолько низкий, что перестал быть слышимым и превратился в чистую кинетическую энергию.

Воздух между Линой и Чистильщиком уплотнился. Пыль на мостовой подпрыгнула, выстраиваясь в хаотичные узоры Хладни. Вода в фонтане на мгновение перестала падать и брызнула в стороны мелкими иглами.

Чистильщик вздрогнул. Идеальный воротничок внезапно показался ему удавкой. Серебряный цилиндр в руке завибрировал с таким неистовым дребезжанием, что агент едва не выронил его. Математическая точность захлебнулась в маслянистом, первобытном реве. Тромбон Лины не просто шумел — он транслировал саму жизнь: неряшливую, потную, яростную и абсолютно непокорную.

— Юлиан, бей в таз! — скомандовала Лина, чувствуя, как медь обжигает губы. — Карзин, режь по живому!

Карзин, поймав кураж, выдал пассаж на верхней струне — тот прозвучал как крик чайки, попавшей в лопасти парохода. Этот звук, наслоившись на низкий гул тромбона, создал «бие-ния» — акустический феномен, буквально взламывающий мозг.

У Чистильщика из носа потекла тонкая струйка крови. Стерильный мир дал трещину. Агент попятился, прижимая руки к ушам, где его собственные резонаторы взрывались какофонией обратной связи. Инструменты Моретти не были рассчитаны на такую концентрацию «грязного» звука — они пожирала сами себя.

— Уходим! — Марко подхватил гитару за гриф, как дубинку. — Пока не вызвали подкрепление с паровыми установками!

Они рванули в переулок за церковью Сант-Аньезе. Вслед им летел затихающий гул фонтанов и шепот толпы, видевшей, как старый тромбон едва не обрушил порядок Вечного города.

Этот звук — сухой металлический «дзинь» — прозвучал в ушах Лины громче всего их оркестрового погрома. Одинокая монета на мостовой была не подаянием, а клеймом. Моретти официально вычеркнул их из списка людей, вписав в реестр городского шума.

Агент удалялся, расправляя манжеты с такой тщательностью, будто само их присутствие испачкало его безупречную ауру. Выбритый до синевы затылок выражал ледяное спокойствие. За ним, как шлейф, тянулась тишина: люди невольно умолкали, подчиняясь ритму его шагов.

— Кошунство, значит? — прошипел Юлиан. Пальцы, сжимавшие край медного таза, побелели. — Он бросил нам пять чентезимо, чтобы мы сдохли в этой пыли.

Лина чувствовала, как во рту разливается вкус железа. Медь мундштука стала обжигающей. Глядя в спину Чистильщику, она ощущала, как под ребрами ворочается что-то темное. Это не была гармония Бьянки — это была ярость Рима, города, веками перемоловшего империи в щебень.

— Пять чентезимо, — Лина медленно опустила тромбон; кулиса с тяжелым вздохом скользнула в исходное положение. — Марко, ты слышал? Он считает нас мусором.

Марко не ответил. Лихорадочно вытирая пот, он провожал агента взглядом. Гитара всё еще мелко дрожала, резонируя с уходящим шагом Чистильщика.

— Он не узнал нас, Лина. Это победа, — выдохнул он без тени радости. — Но если вернется с «усилителем», наш хаос его не удержит.

Лина посмотрела на тромбон. В лучах заходящего солнца, густого, как абрикосовый джем, вмятины на раструбе казались шрамами старого солдата. Она вдруг поняла: этот инструмент не был «грязным». Он просто говорил на языке, который эти стерильные твари в крахмальных воротничках забыли тысячи лет назад. На языке обвалов, землетрясений и рушащихся стен.

Она наклонилась, подняла монету и прижала её к медному боку тромбона.

— Запомни этот звук, — прошептала она инструменту. — В следующий раз вернем сдачу. С процентами.

На Пьяцца Навона опускался вечер. Тени от обелиска потянулись к ним, как длинные пальцы дирижера. Торговцы сворачивали лавки, и в воздухе воцарился тот тревожный гул, с которым город готовится к ночи.

— Уходим с открытых мест, — Карзин бережно спрятал убогую скрипку под лохмотья. — Рим огромен, но «уши» Моретти на каждой колокольне. Где наше логово?

Марко кивнул в сторону Тибра, где над темной водой поднимался туман, скрывая очертания замка Святого Ангела.

— Внизу. Там, где звук замирает. В подвалах Трастевере.

Лина чувствовала вибрацию в ладонях. Тяжелый тромбон гудел в руках, как остывающий двигатель. Металл пах раскаленным солнцем и дешевой смазкой, а во рту стоял стойкий привкус меди — сухой и терпкий, как вино из привокзальной лавки.

Она обвела взглядом друзей. Карзин, чей фрак в Париже сидел как влитой, теперь стоял в засаленном жилете, с красными пятнами на щеках. Он выглядел по-настоящему живым — без накрахмаленной брони приличий. Юлиан подбросил монету, и та сверкнула в лучах заката, прежде чем упасть в ладонь с сухим щелчком.

— Плеваться медью, — повторил Марко, пробуя слова на вкус. Он убрал гитару в потрепанный чехол, перетянутый бечевкой. — Хороший девиз для финала, Лина. Если Моретти хочет стерильной тишины, мы заставим его захлебнуться этим шумом.

Лина посмотрела на антенну «Резонатора» на крыше палатки. Она всё так же безмолвно протыкала небо, но теперь казалась беспомощным куском железа. Инструменты Моретти были настроены на совершенство. Они создавались, чтобы ловить бабочек, но оказались бессильны против летящего в них булыжника.

— Посмотрите на свои руки, — тихо сказала Лина. Её голос, обычно кристально чистый, теперь звучал с хрипотцой, под стать тромбону. — У нас под ногтями пыль. Мы пахнем табаком и потом. Для его детекторов мы — часть этой мостовой. Часть этой толпы. Мы и есть Рим.

Над площадью поплыл звон колоколов Сант-Аньезе — мощный, литой звук, перекрывающий гул толпы. Лина инстинктивно вскинула тромбон, ловя ритм. Она не стала дуть в полную силу, лишь слегка коснулась мундштука, выдав едва слышный, вибрирующий отзвук — рык зверя, затаившегося в ожидании своего часа.

— Уходим, — скомандовал Марко. — Пока тень от обелиска не коснулась фонтана. У нас есть пять чентезимо на тишину и целая ночь, чтобы подготовить настоящий гром.

Они нырнули в узкий, как щель, переулок, пахнувший жареной рыбой и мокрым камнем. Рим принимал их в свои объятия, пряча в лабиринте теней. Девятая симфония началась не с торжественных скрипок, а с плевка медью в лицо врагу.

Глава 2. Дыхание каменного монстра

Лина прислонилась к влажной кладке моста. Камень под лопатками не был мертвым — он мелко, противно дрожал, словно внутри роились тысячи железных насекомых.

— Это инфразвук, — одними губами произнес Юлиан; его пальцы на медном ломе приборов дрожали в такт стенам. — Моретти не просто греет аппаратуру. Он настраивает Рим на частоту страха. Слышите? Этот тон ниже предела слышимости, но тела его считают. Поэтому у нищих на мосту такие перекошенные лица. Им снятся кошмары, которые диктует замок.

На вершине замка бронзовый архангел Михаил заносил меч. В лунном свете стальные антенны вокруг него казались нимбом из колючей проволоки.

— Смотрите на мачты, — Марко указал на вершину. — Вокруг них воздух... другой.

Лина присмотрелась. Из-за высокой частоты вибраций ночной туман не мог осесть — он закручивался в геометрически правильные воронки, образуя вокруг ангела мертвую зону, где не летали даже совы. Это была зона абсолютного порядка, вырезанная из хаоса римской ночи.

Лина крепче перехватила ремень тромбона. Медь, прижатая к боку, отозвалась на зуд замка. Мундштук в чехле тихо зазвенел, входя в симпатический резонанс.

— Тише, маленький, — прошептала она, накрывая раструб ладонью. — Еще не время.

В кармане «кровавая струна» Бьянки дернулась, как натянутая до предела живая нить. Лина охнула, прижав руку к бедру. Струна звала «Голос», узнавая частоту, которую Моретти транслировал из недр гробницы Адриана.

Внизу, под арками моста, Тибр катил мутные, тяжелые воды. Запах ила и гниющих водорослей смешивался с озоновым привкусом электричества, сочившимся от стен замка.

— Моретти хочет превратить Рим в свой личный граммофон, — Карзин сплюнул в воду. — Если он ударит «Голосом» через эту махину, резонанс выбьет стекла во всем Ватикане, а люди... люди станут частью его партитуры. Пойдут туда, куда прикажет звук.

Из-за стен замка донесся резкий скрежет — словно огромным ножом провели по стеклу. Вибрация под ладонью Юлиана сменилась коротким, мощным толчком.

— Слышали? — Юлиан лихорадочно крутил ручку самодельного детектора. — У них перегрузка! Система нестабильна. Рим слишком стар для таких частот. Стены Адриана сопротивляются!

— Или они ищут недостающее звено, — Марко посмотрел на Лину. — Им нужен камертон. Им нужна ты. Твой «Голос» — последняя деталь, которая сцепит этот механизм и заставит его работать вечно.

Лина посмотрела на свои руки — серые от пыли, ссаженные о грубую медь тромбона.

— Они ищут певицу, Марко, — Лина медленно вытащила тромбон; лунный блик хищно скользнул по вмятинам. — А найдут канонира.

Ответный сигнал из замка походил на визг тысячи циркулярных пил, вгрызающихся в гранит. Лина почувствовала, как звук прошивает её насквозь. В глазах поплыли кровавые круги, во рту возник знакомый металлический привкус — лопнувшие сосуды отозвались на «чистоту» Моретти.

— Быстрее! В лодку! — голос Марко казался ватным, словно доносился из-под толщи воды.

Юлиан, спотыкаясь о свои «ласты», едва не выронил детектор. Прибор истошно пищал; стрелка зашкалила и замерла, приваренная к ограничителю электромагнитным импульсом.

Они повалились в плоскодонку, пахнущую гнилой рыбой и старым деревом. Карзин схватился за весла — пальцы, привыкшие к грифу скрипки, судорожно впились в дерево.

— Не гребь в полный размах! — прошипел Марко, прижимая Лину к дну. — Только подгребай, лови течение! Любой всплеск — это ритм, а они сканируют реку на предмет упорядоченного звука.

Лина лежала на грязных досках, прижимая холодный тромбон к груди. Инструмент мелко дрожал. Капля крови упала на медный раструб и медленно покатила вниз, оставляя темный след на патине.

— Он... он ответил мне, — прохрипела она, вытирая лицо рукавом. — Замок. Когда я ударила «фа», он на секунду... стал живым. Там, внутри, что-то плачет, Марко. Это не механизмы.

За шесть лет до Лондона

Юлиан никогда не забудет этот запах: смесь соленого ветра с Гудзона, раскаленного угля и озона от первых электрических дуг. Нью-Йорк ревел, лязгал конками и строился ввысь, задыхаясь от собственного шума.

Юлиана, молодого механика с верфей, пригласили в закрытый клуб на вершине одного из первых небоскребов у Бэттери-парка. В кабинете, обитом темным деревом, сквозь панорамные окна виднелся строящийся остов Статуи Свободы. Там его ждал Моретти.

Он был во фраке; в руке — бокал виски, в котором отражались газовые огни Бродвея.

— Вы писали, что шум этого города — болезнь, Юлиан. — Моретти не обернулся. Он смотрел вниз, на копошащуюся у порта толпу. — В Академии ваше предложение по «акустической изоляции» назвали дорогой утопией. Здесь это называют инвестицией в тишину.

Моретти обернулся. Его лицо в свете ламп Эдисона казалось неестественно бледным. Он указал на прототип на столе: медную сферу, обвитую милями тончайшей проволоки. Сфера едва заметно вибрировала.

— Этот город — оркестр без дирижера, — Моретти подошел вплотную. — Мы создадим сеть, которая поглотит хаос. Начнем с Европы, с Лондона — там традиции сильны, а голоса чисты. Внедряя «Резонаторы» в саму ткань городов, мы лишим каждого возможности кричать без разрешения. Вы дадите мне расчеты частот, Юлиан, а я дам вам тишину.

Моретти положил руку на плечо юноши. Его пальцы были холодными, как металл.

— Вы построите мне клетку из звука, мальчик. И мы назовем это гармонией.

В ту ночь в Нью-Йорке Юлиан смотрел на свои руки как на руки творца, дарящего человечеству покой. Он не знал, что медная сфера — сердце гильотины, которую он заточит сам.

Юлиан поднял ладони к свету коптящей масляной лампы. Кожа на подушечках пальцев больше не была гладкой; теперь она напоминала обугленную кору, прошитую багровыми рубцами от раскаленной медной жилы. Каждое движение отзывалось «электрическим» треском в суставах. Он смотрел на свои руки и видел в них не конечности инженера, а орудия преступления.

Здесь, в подвале, среди шестерней и манометров, он осознал иронию своего гения. Юлиан создал «Резонатор» — математически безупречное устройство: золотое сечение в латуни и серебре. В Нью-Йорке он верил, что это станет колыбелью для измученного мира. Но Моретти знал лучше. С самого начала прибор предназначался не для тишины, а для пытки ею.

Юлиан коснулся изуродованным пальцем холодного металла. Чувствительность пропала — остался фантомный зуд, словно медь навсегда поселилась под кожей. Он искупал грех создания этой клетки, понимая: чтобы разрушить сеть, придется уничтожить часть самого себя. Ведь он и был тем дирижером, который в 1886-м вышел на сцену, не спросив, какую цену заплатит оркестр.

Юлиан сидел за верстаком под шипение единственной газовой лампы. Перед ним лежал «патриарх» всех нынешних кошмаров — модель 1886 года. Медный корпус, покрытый тусклой нью-йоркской патиной, был вскрыт, обнажая путаницу серебряных жил и угольных мембран.

Лина вошла бесшумно, но Юлиан вздрогнул, почувствовав изменение давления. Он не оборачивался, осторожно вытягивая из недр машины тонкую, как волосок, проволоку.

— Ты притащил это из архивов Ватикана? — голос Лины, вернувшейся с патруля, звучал хрипло. Она бросила тромбон на кипу пустых мешков.

— Это мой «первенец», Лина. Я нашел его в коллекции Моретти, за бронированным стеклом. — Юлиан поднял на неё воспаленные глаза. — Он хранил его как трофей. А я... я смотрел на эти схемы и не понимал, как мог быть настолько слеп.

Он коснулся погнутого латунного диска.

— В Нью-Йорке, над Гудзоном, Моретти обещал, что прибор будет лечить. Что частота снимет боль и подарит сон тем, кто не спал годами. Я верил, что создаю «акустический морфий». Мы проводили тесты в Бруклине... и добровольцы улыбались. Боже, они действительно улыбались!

Юлиан резко дернул проволоку; она лопнула с жалобным звоном.

— Спустя годы я понял: они улыбались не от счастья. Моретти заставил меня сместить частоту всего на три герца. Это не снимало боль — это парализовало волю. Человек превращался в овощ, не способный на протест. Мышцы лица застывали в гримасе покоя, пока внутри он кричал от ужаса.

Юлиан повернул прибор к Лине, обнажая скрытый переключатель с гравировкой «Гармония».

— В восемьдесят шестом я думал, что дарю миру покой. В девяносто втором понял: я вложил Моретти в руки идеальный кляп. Всё, что ты видела в Лондоне, Париже и здесь, в Риме — все эти башни и дирижабли — лишь метастазы вот этой маленькой медной опухоли.

Лина подошла ближе; пальцы в черной перчатке коснулись холодного корпуса. В повисшей тишине отчетливо слышался монотонный гул дирижаблей над Пантеоном.

— Значит, ты знал код от этой клетки еще тогда? — тихо спросила она.

— Я сам его написал, — Юлиан закрыл лицо изуродованными руками. — И теперь единственный способ его стереть — сжечь всё, что я когда-либо любил.

Юлиан отодвинул разобранный резонатор и расстелил на верстаке лист пожелтевшего ватмана — не просто чертеж, а анатомический атлас чудовища.

— Главная вышка Моретти — не просто антенна, Лина. Это Акустический Трон. — Его палец, покрытый медными ожогами, заскользил по линиям, сходящимся к центральному шпилю Цитадели. — В основе — двенадцать гигантских камертонов из вольфрамовой стали, уходящих в скалу на тридцать метров. Они питаются от паровых турбин, скрытых в технических ярусах.

Он постучал по изображению наверху, напомиравшему на чертеже зазубренное копьё.

— Центральный корпус Цитадели оплетен медными шинами толщиной в бедро. Это «первичный контур». Он создает низкочастотный гул — ту самую «сетку», что держит Рим в оцепенении. Но сердце системы — в верхней обсерватории. Там установлена Линза Тишины.

Юлиан поднял взгляд на Лину. В свете лампы его лицо казалось пергаментной маской.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.